

Ненасильственные основания политики

Александр БЕРТОШ,
старший преподаватель
кафедры философии и
истории Белорусского
государственного
университета физической
культуры

Преодолев рубеж, за которым бессмертие человечества перестало быть аксиомой, люди пришли к необходимости ревизии оснований управления общественной динамикой, находящего наиболее концентрированное выражение в политике, которая, в свою очередь, мыслится как сфера реализации господства, генерализирующегося в образе насилия над процессами, разворачивающимися в мире.

Современные общественные процессы имеют тенденцию к усложнению, тем самым они требуют постоянного совершенствования политических средств управления трансформирующейся реальностью. В связи с этим актуальным является исследование такого важного средства политического регулирования, как насилие. Анализируя фундаментальные основания политики, М. Вебер пишет: «Любое господство как предприятие (Herrschaftsbetrieb)... нуждается... в распоряжении теми вещами, которые в случае необходимости привлекаются для применения физического насилия» [1].

Непроясненность перспектив исторического развития делает особенно актуальной дискуссии о судьбе насильственных начал политического управления обществом. Так, во многих религиозных учениях можно найти проекты социального бытия, где насилие в той или иной мере упразднено. В общеполитическом контексте построения мировоззренческих основ рациональности этому вопросу уделяется внимание в

рамках диалогизма (М. Бубер, М. Бахтин, Ф. Эбнер и др.), этики благоговения перед жизнью (А. Швейцер), в программах коммуникативной рациональности (Ю. Хабермас, К.-О. Апель), в экологической этике (О. Леопольд) и др.

У истоков ненасилия в политике стоят Г.Д. Торо, Л.Н. Толстой, М. Ганди, М.Л. Кинг. Один из ключевых пунктов их воззрений – идея уклонения от насильственных действий как препятствия умножению зла в мире. М.Л. Кинг утверждает: «На протяжении всего существования жизни кто-нибудь должен иметь достаточно разума и моральности, чтобы разорвать цепочку зла и ненависти» [2]. У Г.Д. Торо речь идет об индивидуальном гражданском неповиновении; Л.Н. Толстой пишет о непротравлении зла насилием; М. Ганди декларирует ненасильственное сопротивление, концептуализированное в доктрине названной им «Сатьяграха» (в пер. с санскр. Satya – истина, тождественная любви; Graha – сила; Satyagraha – истинная сила, или сила любви) [2]; М.Л. Кинг интерпретирует укорененную в европейской культурной традиции идею беспредпосылочной любви – агапе. В образе насилия рассматриваемая интеллектуальная традиция объединяет все возможные модели деятельности, не укладываемые в рамки моральных требований, в том числе его различные нефизические формы (ложь, ненависть, озлобленность и т.д.). М.Л. Кинг об этом говорит так: ненасильственное сопротивление определяет то, что с его помощью можно избежать не

ОБ АВТОРЕ

БЕРТОШ Александр Николаевич.

Родился в 1980 году в г. Минске. Окончил факультет философии и социальных наук Белгосуниверситета (2006), аспирантуру Республиканского института высшей школы (2011).

С 2007 года – преподаватель, старший преподаватель кафедры философии и истории Белорусского государственного университета физической культуры.

Автор свыше 10 научных публикаций в белорусских и зарубежных изданиях.

Сфера научных интересов: политическая философия, философия права, процессы глобализации в современном мире.

только внешнего физического насилия, но и внутреннего насилия духа [2].

Несмотря на присутствие религиозных истоков, отсылающих к внеположенным социальному пространству основаниям мира, идеи названных авторов занимают важное место не только в духовном, но и практическом опыте политических преобразований. Г.Д. Торо и Л.Н. Толстой закладывают этический базис идеологии ненасильственного сопротивления социальному угнетению в политике. Затем М. Ганди разрабатывает конкретные средства ненасильственной борьбы, применимые к реальным социальным процессам, а М.Л. Кинг ассимилирует их в контексте сражения афроамериканцев против сегрегации.

М. Ганди называет свою доктрину «Сатьяграха», отмежевываясь от укорененного в индийской культуре принципа ахимсы (уклонения от совершения зла), поскольку в нем недостаточно выражена интенция на активное преобразование положения в обществе. В целом «Сатьяграха» представляет собой комплексную программу действий, содержащую ряд конкретных решений для реализации ненасильственной политической борьбы, среди которых отчетливо выделяются «отказ от сотрудничества с властями» и «гражданское неповиновение». Значимость отказа от сотрудничества состоит в разрушении властного качества. Когда сторона, находящаяся в подчинении, лишается готовности к нему, то властный характер отношения упраздняется. Гражданское неповиновение предстает более активной формой воздействия на проявления социальной несправедливости. Его суть заключается в сознательном неисполнении юридических законов, противоречащих требованиям морали. Гражданское неповиновение требует от сторонника ненасильственных действий большей, чем в случае отказа сотрудничать, морально-психологической подготовки для перенесения санкций со стороны юридической системы. По сути, оно является следующей стадией ненасильственной борьбы. В случае насилия с противоборствующей стороны нельзя не только препятствовать ему, но и допускать эмоциональную агрессию в виде ненависти, злобы и т.п. Задача сатьяграхи стимулировать осознанное чувство моральной неправоты у оппонентов. М.Л. Кинг отмечает стремление М. Ганди

«...вызвать чувство стыда у противника и тем самым произвести изменения в его сердце» [2]. Важным фактором действенности избранной стратегии является моральная развитость противника, на чем акцентирует внимание М.Л. Кинг. Общественно-политический деятель отмечает: «Оно (ненасильственное сопротивление. – *Авт.*) может иметь успех только в том случае... если те группировки, против которых сопротивление направлено, обладают определенным уровнем развития морального сознания, как это было в борьбе Ганди против англичан» [2]. К обозначенной позиции следует сделать дополнение: стратегия непротивления злу открывает перспективу создания негативной моральной оценки действий актора, применяющего насилие в общественном мнении (третьими сторонами), и оказание им влияния на ситуацию. В современном мире такой вариант актуализации разворачивания событий приобретает все большую вероятность. Дж. Шарп указывает на «давление третьих сил» как один из «факторов» тактики ненасильственной борьбы [3]. Давление третьих сторон, о котором он пишет, представляет собой форму насилия и нивелирует обоснованность эффективности ненасильственных средств политической деятельности в результате осуществления всевозможных «бархатных», «цветочных», «цветных» и т.п. революций. Такое вмешательство является плацдармом для эскалации различных форм насилия в интеракцию за счет внешних источников, которые способны спровоцировать противоположный первоначальному замыслу результат – породить не исчерпанность напряженности в любви, дружбе и справедливости, а увеличение ненависти и потенциала конфликтности в обществе.

Этике ненасилия в традиционной форме присущ ряд аспектов, придающих ей сомнительную практическую и моральную значимость. Обращает на себя внимание односторонняя направленность ненасильственных средств. Они дают возможность воздействовать на официальные органы управления, но не позволяют регулировать общественные процессы с их позиций. Если сторонник ненасилия займет положение в государственных властных структурах, то окажется без реальных средств обуздания общественных противоречий. Последствия

ми его деятельности может оказаться неэффективной политика либо необходимость отказа от практики ненасилия. Уже сам факт участия в легальных управленческих структурах общества делает субъекта частью целостности, действенность которой опирается на внешнее принуждение, а не на внутренние моральные императивы. Поэтому этика ненасилия не способна предложить практически осуществимых альтернатив полного замещения насильственных средств в политике и фундаментального переустройства общества.

Еще одним аспектом, ставящим под сомнение практическую значимость идеологии ненасилия, следует считать необходимость морального усовершенствования людей, отмечаемую ее апологетами. «Необходима достаточно напряженная подготовка, – пишет М. Ганди, – чтобы ненасилие стало составной частью менталитета» [4]. Обозначенное требование делает рассматриваемую доктрину проектом должного, но не сущего. «На самом деле лучше тот строй, – замечает Б. Сутор, – который, прежде всего, отвечает человеческому характеру в его обычной амбивалентности...» [5].

Концепт «мягкой силы»

В этике ненасилия нет альтернативы жесткому размежеванию с насилием, воплощающим в себе аморальность и зло. Разрешение противоречия между ненасилием и насилием, добром и злом, моралью и аморальностью становится возможным в рамках понимания диалектического характера политического процесса. В нем силовые средства отрицания насилия как аморального зла получают качественную определенность добра. «И борьба против угнетения, – пишет Ж.-П. Сартр, – является борьбой против отрицания. То есть, в марксистской терминологии, отрицанием отрицания» [6]. Насилие, целенаправленно отрицающее насилие, становится нравственно обоснованным средством политики. М. Вебер отмечает: «...ты должен насильственно противостоять злу, иначе за то, что зло возьмет верх, ответствен ты» [1]. Без такого использования силы невозможно обеспечить правопорядок, на котором держится общественная безопасность. Этика ненасилия, в которой отсутствует диалектическое снятие противоречия между

противоположностями, демонстрирует свою ограниченную состоятельность, она по-своему механистична и не способна объяснить, каким образом происходит переход в новое качество.

Однако необходимость сворачивания насилия диктуется объективными факторами общественной практики. Силовое господство над миром как цель, имманентно заданная европейской культурой, доминирующей в глобальном социальном пространстве, приходит к локализации своих потенций. Происходит постепенное угасание отдельных форм насилия в планетарном масштабе. Не секрет, что арсеналы ядерного оружия различных стран в современности являются более фактором психологического превосходства, нежели создаются для прямого применения. Небезосновательно можно считать холодную войну третьей мировой. Нарастивание силовых средств в политике начинает отрицать себя. В данном ключе один из идеологов американского неоллиберализма Дж. Най пишет об «энтропии силы» великих держав. Он обращает внимание, что «сегодня возможности великих держав использовать традиционные силовые потенциалы для достижения своих целей сократились по сравнению с прошлым» [7]. Но в целом Дж. Най не настаивает на отказе от альтернативных физическому насилию его проявлений, вводя в научный оборот концепт «мягкая сила» [8].

В политическом процессе, движимом противоречивыми мотивами его участников, можно зафиксировать переход от наращивания силы к снятию ее наиболее крайних проявлений. Современное глобальное общество в своем развитии перешагнуло количественную меру наращивания эффективности политического управления за счет постоянного увеличения интенсивности силовых средств. Утрата мотива эскалации силы выступает важным фактором корректирования характера политического процесса. Однако сложившаяся ситуация не снимает полностью значения силы в качестве средства политической деятельности. Дж. Най для описания происходящих в политике подвижек концептуализирует понятие «умная сила» [9], в котором, наряду с традиционными формами принуждения, важные позиции, зачастую даже приоритетные, начинают занимать

нефизические средства давления – «мягкая сила». Исследователь определяет «умную силу» как «способность объединять в различных контекстах жесткие и мягкие ресурсы власти в успешные стратегии» [9]. Поэтому допустимо утверждать, что в процессе диалектического развития происходит не полное отрицание, а усовершенствование силовых средств политики в снятом виде. Они постепенно утрачивают жесткую связь с крайними формами своего проявления, основанными на потенциальной угрозе жизни участникам социальной конкуренции, и в этом смысле сближаются с нравственностью, ее принципиальным требованием гуманизации политики. Мотивом такого отношения следует считать заинтересованность субъектов интеракции в благополучии друг друга. Страны «первого мира» вынуждены содействовать преодолению кризисных явлений общественной динамики в менее развитых регионах планеты, чтобы защитить себя от незаконной миграции, большого числа беженцев, наркотрафика и т.п. Мировой финансовый кризис вынуждает развитые страны оказывать взаимовыгодную помощь друг другу. Ярким примером служат меры, предпринимавшиеся правительством ФРГ по предотвращению банкротства компании «Опель», принадлежащей американской корпорации «Дженерал моторс», чтобы воспрепятствовать росту безработицы и ущерб автомобильно-строительной отрасли в самой Германии. Дж. Най замечает, что «... в нынешних обстоятельствах использование силы в отношениях между великими державами обошлось бы дороже, чем манипулирование взаимозависимостью» [7].

Отмеченные свойства мотивов политической интеракции делают ее целью развитие всех акторов, необходимых для реализации всеобщего блага, в котором обнаруживаются точки соприкосновения между моралью и полезностью. Нетрудно заметить, что складывающийся в политике уклад не апплицируется полностью на идеал морального отношения, хотя и не лишен положительных черт в результате. Дж. Дьюи писал по данному поводу: «... цель в смысле последствий обеспечивает единственное основание для моральных идей и действий» [10]. Соглашаясь с ним, следует констатировать, что воплощение в практическом результате цели, имеющей положи-

тельное значение, является достаточным основанием для признания моральности политической деятельности. В процессе расширения общественных взаимосвязей и взаимозависимостей она находит объективный источник развития своих ценностно-нормативных оснований, генерализирующихся в гуманизме. Реализация гуманизма инициируется потребностью благополучия всех субъектов, задействованных в принимающем глобальный масштаб распределения обязанностей (специализации), конституирующей мотивы взаимовыгодной кооперации. Мотивы, в свою очередь, формируют целевую направленность на развитие всех членов взаимозависимого социального пространства. Силовым средствам в рамках взаимосвязи с целью присуще диалектическое отрицание, которое снимает актуальность увеличения эффективности политики за счет расширения практики физических форм принуждения. Так можно охарактеризовать объективные зачатки реализации этики ненасилия в политической деятельности, в противовес изначальному традиционному посылу, декларирующему субъективные основания ее воплощения в практику. ─

ЛИТЕРАТУРА

1. Вебер, М. Политика как призвание и профессия / М. Вебер // Избранные произведения / М. Вебер. – М., 1990. – С. 99–101.
2. Кинг, М.Л. Паломничество к ненасилию / М.Л. Кинг; пер. с англ. Г.А. Мироновой // Этическая мысль: Научно-публицистические чтения –1991: сб. статей. – М.: Республика, 1992. – С. 168–181.
3. Шарп, Дж. Ненасильственная борьба: лучшее средство решения острых политических и этических конфликтов? / Дж. Шарп // Этическая мысль: Научно-публицистические чтения –1991: сб. статей. – М.: Республика, 1992. – С. 200–207.
4. Ганди, М.К. Моя вера в ненасилие / М.К. Ганди // Вопросы философии. – 1992. – № 3. – С. 65–66.
5. Сутор, Б. Политическая этика / Б. Сутор // Полис. – 1993. – № 1. – С. 61–71.
6. Сартр, Ж.-П. Проблема цели и средства в политике (Из «Тетрадей по морали») / Ж.-П. Сартр; пер. О.И. Мочульской // Этическая мысль: Научно-публицистические чтения –1991: сб. статей. – М.: Республика, 1992. – С. 251–261.
7. Най, Дж. Взаимозависимость и изменяющаяся международная политика / Дж. Най // Мировая экономика и международные отношения. – 1989. – № 12. – С. 73–81.
8. Най, Дж. «Мягкая власть» великих держав / Дж. Най // Русский журнал [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Myagkaya-vlast-velikih-derzhav>. – Дата доступа: 16.12.2010.
9. Най, Дж. «Умная сила» Барака Обамы / Дж. Най // Русский журнал [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Umnaya-sila-Baraka-Obamy>. – Дата доступа: 16.12.2010.
10. Дьюи, Дж. Цели и средства / Дж. Дьюи // Этическая мысль: Научно-публицистические чтения –1991: сб. статей. – М.: Республика, 1992. – С. 245–250.